

о поэте
и актёре
Йыване
Кырле

Руслан Бушков

Мустафой стал на экране

177

***Отроду Кирилл Иванов,
по поэтическому псевдониму Йыван Кырля
и без оговорок – друг Мусы Джалиля и Ахмеда Ерикя***

В 1931 году на экраны Советского Союза вышел и сразу завоевал широкую популярность первый отечественный звуковой фильм режиссёра Н. В. Экка «Путёвка в жизнь», рассказывающий о перевоспитании бывших беспризорников в трудовой коммуне.

И уже на прошедшем в 1932 году в Венеции 1-м Международном кинофестивале картина удостоилась главной награды. Улыбка её героя татарского юноши Мустафы, по имени которого был назван фильм в прокате на Западе, покорила вскоре весь мир, став визитной карточкой страны.

«Кинематографического произведения, равного по творческой силе, по убедительности и искренности, за последние годы не видели ни Европа, ни Америка», – отзывался тогда об этом фильме известный американский режиссёр и драматург Сесиль де Миль. Открытую и жизнерадостную улыбку

его героя журналисты быстро окрестили советской, признав в ней, однако, и татарскую основу.

По душе она пришлась и татарской творческой интеллигенции, воспринявшей появление национального персонажа в мировом кинематографе как воплощение своей заветной мечты. Впервые об этом открыто заговорили ещё в акционерном обществе «Таткино», созданном в начале 1924 года из восьми кинотеатров Татарской автономной республики.

Один из них с кинозалом на 400 мест получил статус «национального» и демонстрировал фильмы с титрами на татарском языке. Здесь же был первый показ киноленты о проведении в 1926 году в Казани Сабантуя, снятой Константином Мотковым. Через год в татарской столице киностудия «Совкино» совместно с «Таткино» предприняла съёмку картины на татарский сюжет «Булат-батыр», в которой были задействованы начинающие кинорежиссёры Иван Пырьев и Каюм Поздняков.

Между тем в руководстве республики уже пошли разговоры о создании национального кинематографа, тем более что в открывшемся в Москве кинотехникуме появилась специальная студия подготовки кадров для производства

кинофильмов в национальных республиках СССР. Закончивший его ещё стипендиатом «Таткино» Каюм Поздняков стал первым дипломированным татарским кинорежиссёром.

И тут на большой экран вышел первый звуковой фильм «Путёвка в жизнь» с татарским киногероем, что ошеломило мир не меньше, чем сама картина. После оглушительного успеха в стране и за рубежом со всех концов СССР, в том числе из Казани, посыпались просьбы к её создателям на устройство выступлений перед кинозрителями. Вскоре у кинотеатров многих городов запестрели афиши: «Мустафа (Ийван Кырля). Только одна гастроль известного киноартиста, исполнителя главной роли в нашумевшем звуковом фильме «Путёвка в жизнь».

Киноактёр захотел посетить Казань, знакомую ему по учёбе на госрабфаке при Казанском университете. Выяснилась ещё одна любопытная подробность: Ийван Кырля – не имя, а псевдоним Кирилла Иванова, студента Московского кинотехникума.

Одними из первых из тогдашней татарской интеллигенции пришли в восторг от увиденного фильма и кинообраза Мустафы поэты Муса Джалиль и Ахмед Ерикей. Оба жили тогда в Москве,

Кадры из фильма «Путёвка в жизнь»

занимались журналистикой и решили познакомиться с Йываном Кырлэй лично. Своё содействие в этом оказали сокурсники Мусы Джалиля по Московскому университету Пётр Лашманов и Яныш Ялкайн, поведавшие о своей дружбе с киноактёром.

Встреча с артистом для них началась с конфуза. Прежде всего, тот обескуражил признанием, что он не татарин, а мариец из Марийской автономной области, начинающий марийский поэт, выпустивший в Москве почти одновременно с фильмом «Путёвка в жизнь» первый сборник своих стихов. А вот как Йыван Кырля он действительно родился в Казани, где начал писать стихи во время учёбы на госрабфаке при Казанском университете и печататься в марийских изданиях. Со своей знаменитой улыбочкой он добавил:

**Был рабфakovцем
В Казани,
Бил стихами старый быт.
Мустафой
Стал на экране.**

В этой роли знаменит.

(Перевод П. Железнова)

Это были строки из его поэтического письма знакомой марийской девушке. Псевдоним свой Йыван Кырля объяснил просто: на марийский лад он означает «сын Ивана Кирилл».

Муса Джалиль

*Мордовский поэт Артур Моро,
цыганская поэтесса Ольга Панкова,
Йыван Кырля, татарский поэт
Ахмед Ерикеев. 1932*

И тут уж Муса Джалиль не удержался удивить артиста: «А знаешь, Йиван Кырля, как переводится с арабского имя Мустафа? Оно означает «избранный», ты был избран судьбой сыграть роль татарина в кино и с этим отлично справился. Это я тебе говорю, Муса, сын Мустафы Залилова...»

Так завязалось их знакомство, переросшее затем в большую дружбу. Потом в фотоальбоме Мусы Джалиля появится дарственный портрет артиста, а Ахмед Ерикей заимел даже запечатлевший его с ним фотоснимок. Оба искренне гордились этой дружбой. Они встречались с Йиваном Кырлём чаще всего в Центриздате народов СССР, где размещались редакции газет и журналов на национальных языках.

Мусе Джалилю удалось уговорить артиста посетить возглавляемую им татарскую студию при Московской консерватории и литературный кружок при татарском рабочем клубе в Замоскворечье. Йиван Кырля охотно рассказывал о себе: откуда родом, где учился и как получил путёвку в жизнь и киноискусство.

Йиван Кырля говорил, что родился 3 (16) марта 1909 года в бедной крестьянской семье в деревне Купсола (с марийского «болотная») Сернурского кантона Марийской автономной области. Его отец Иван Семёнович Иванов всем сердцем воспринял Советскую власть и погиб в 1921 году от рук бандитов. Мать Матрёна Якимовна осталась вдовой с тремя детьми, о чём Йиван Кырля заметил в стихотворении «Шочмо кече» («День рождения»):

**Нас родивший век
Тяжёлый
Бедняка извёл вконец,
И трудился на чужого
Смелый, добрый мой отец.
Он и жизнь свою
Не прожил...
Мать-вдову
Слеза сожгла.
Горе с чёрной тенью схоже,
Тень
На плечи мне легла.**

(Перевод П. Железнова)

Так что, ему пришлось сполна испытать все тяготы тех времён: батрачить и даже просить милостыню, как это говорится в его стиотворении «Йорлын мурыжо» («Песнь бедняка»):

**Жизнь былая –
Доля злая
Тяжела,
Горька была.
Голодая,
Холодая,
Рос без хлеба,
Без тепла.**

(Перевод П. Железнова)

Говорилось в нём и о познанном нелёгком крестьянском труде:

**За сохой ходил
Горбатой,
А соха –
Она не плуг.
Ох, тяжка была
Когда-то
Для моих
Ребятчих рук!**

(Перевод П. Железнова)

Несмотря на все трудности, будущий поэт и киноартист хотел учиться. Окончив школу первой ступени в соседнем селе Марисоле, Кирилл Иванов в 1923 году подался, как тогда говорили его земляки, в «большую школу» – в подготовительную группу Сернурского педтехникума, образованного в 1918 году как семинария по решению 2-го Всероссийского съезда мари в Казани. Её потом преобразовали в педагогические курсы, а в 1921 году – в техникум. Силами учащих и преподавателей здесь ставились первые марийские спектакли, устраивались марийские концерты и литературные вечера. Именно здесь в 1920 году зародился праздник национального возрождения марийской учащейся молодёжи «Пеледыш пайрем» («Праздник цветов»). С первых дней учёбы активным участником этих мероприятий стал Кирилл Иванов. Но педтехникумовцем ему довелось быть недолго: осенью 1924 года учебное заведение в связи с финансовыми трудностями было закрыто и его учащиеся

переведены для продолжения учёбы в Марийский педтехникум, в город Краснококшайск, тогдашнюю столицу Марийской области.

Йыван Кырля же решил остаться в Сернуре, в организованной взамен педтехникуму школе-семилетке, где проучился ещё полтора года. Это время запомнилось ему участием в распространённом с 1923 года на всю Марийскую область празднике «Пеледыш пайрем» и вступлением в комсомол. Вскоре будущая знаменитость получает путёвку на марийское отделение госрабфака при Казанском университете.

С радостными и одновременно грустными чувствами покинул он родимый дом, отправляясь в Казань, выразившиеся позже в его стихотворении-посвящении матери:

**Словно холст,
Была дорога
В тот осенний день
Бела.
Потоптался
У порога
И ушёл я
Из села.
Шёл с утра
И дотемна я
Мимо клёнов
И берёз,
По дороге вспоминая,
Как я жил здесь,
Как я рос...**

(Перевод П. Железнова)

Городу Казани и госрабфаку при Казанском университете суждено было сыграть в его жизни судьбоносную роль. Кырле было известно, что в этом городе на Волге прошли свои университеты, подобно пролетарскому писателю Максиму Горькому, немало марийских писателей и деятелей культуры, в первую очередь С. Г. Чавайн и Н. С. Мухин, чьи стихотворения он любил декламировать с друзьями на вечерах и концертах в Сернуре. В Казани выходили первые марийские календари, газеты «Ужара» («Заря») и «Йошкар кече» («Красный день»), которые ему довелось читать в местной библиотеке.

У Йывана Кырля дух перехватило, когда он вошёл в главный корпус открытого ещё в 1804 году Казанского университета. Здесь учились и работали великие люди – создатель неевклидовой геометрии Н. И. Лобачевский, химики Н. Н. Зинин и А. М. Бутлеров, медик П. Ф. Лесгафт, писатель Л. Н. Толстой, композитор М. А. Балакирев, вождь трудового народа В. И. Ульянов-Ленин, на похоронах которого в январе 1924 года довелось участвовать его односельчанину А. С. Шабдарову. Открывшийся при университете в 1919 году для подготовки в вуз госрабфак находился на втором этаже правого крыла. Здесь в 1924 году появилось марийское отделение. Одними из первых тридцати марийских рабфаковцев стали будущие первые марийские архитекторы К. С. Семёнов и А. А. Суриков, инженеры А. А. Бурков, В. Н. Смирнов и К. Орлов, поэт-переводчик А. И. Крылов-Ток. Осенью 1926 года к ста учащимся-землякам присоединился и Йыван Кырля.

Казань предстала перед ним огромным казаном, в котором «варились» многие народы и культуры. Марийцы называли её «Озан», переводящийся как «местопребывание хозяина». По их легенде, она возникла на землях, где некогда жил марийский князь Эшполды. Йыван Кырля удивлялся названиям мест, звучавшим совсем по-марийски – озеру Кабан, означавшему «стог сена», протоке Булак, созвучному с «корытом».

Закабанье и Забулачье считались татарскими слободами. Главной их достопримечательностью был поразивший его своим восточным колоритом Сенной базар, где торговали всякой всячиной – национальной одеждой, обувью, ювелирными изделиями, всевозможными продуктами, включая восточные сладости и сухофрукты из Средней Азии, и даже сеном. Встречались среди торговцев и приезжие марийцы. Они привозили на продажу древесный уголь, смолу, мочало... Йыван Кырля здесь часто бывал – присматривался, изучал жизнь, встречался с земляками.

Юноша быстро включился в студен-

ческую жизнь – возглавил культурно-воспитательный сектор студенческой учебно-бытовой коммуны «У илыш» («Новая жизнь»), участвовал в выпуске стенгазеты «Волгыдо корно» («Светлый путь»), записался в марийский хор, возникший вместе с землячеством при марийском отделении Восточного педагогического института. Здесь выпускалась даже студенческая многотиражная газета на марийском языке «Шинчымаште – вий» («Знание – сила»).

Все три года учёбы в Казани Йыван Кырля обитал в общежитии в одной комнате с земляками И. Кузнецовым и Н. Ивановым, подружился с начинающим марийским литератором Александром Крыловым-Током, который стал для юноши наставником в его первых поэтических опытах. Именно он открыл для него очень популярного тогда среди студенческой молодёжи В. В. Маяковского, приехавшего в 1927 и 1928 годах в Казань и выступившего в Казанском университете с чтением своих стихов. Александр Крылов-Ток увлекался их переводами, ходил к нему в составе студенческой делегации в гостиницу для приглашения на встречу в университет и гордился, что этот эпизод попал потом в стихотворение Маяковского «Казань»:

Я
 в языках
 не очень натаскан, –
 что норвежским,
 что шведским мажь.
 Входит татарин:
 «Я
 на татарском
 вам прочитаю
 «Левый марш».
 Входит второй.
 Косой в скуле,
 и говорит,
 в карманах порыскав:
 «Я –
 мариец.
 Твой –
 Левый,
 дай
 тебе
 прочту по-марийски».

«Левый марш» на татарском языке прочитал тогда московскому гостю Адель Кутуй.

Для Кырля В. В. Маяковский стал настоящим кумиром в поэзии, а его стихи – примером для подражания.

Александр Крылов-Ток к тому же неплохо знал татарский язык и старался приобщить к нему и Йывана Кырля. Среди марийских студентов Кырля слыл одним из немногих, кто мог без запинки произносить непривычные татарские и восточные имена. По внешности его часто принимали за своего учащегося тюрко-татарского отделения рабфака при Восточном педагогическом институте, и он быстро нашёл друзей в их кругу. Здесь учился и будущий друг Йывана Кырля Муса Джалиль (Залилов), но с ним он встретился только в Москве.

Йыван Кырля закончил рабфак в мае 1929 года, отметив в марте своё двадцатилетие. Заметив в нём талант артиста, доценты В. Т. Соколов и В. Н. Неболюбов посоветовали ему идти учиться по артистической стезе. И тут подвернулся случай: Московский кинотехникум объявил набор в организованную на артистическом отделении национальную студию.

Члены приёмной комиссии кинотехникума, а в него входили известные в мире театра и кино С. М. Эйзенштейн, В. И. Пудовкин, М. И. Ромм, Л. В. Кулешов, сразу оценили актёрские данные марийского паренька, и Кырля был принят без оговорок.

Не успел он включиться в полную меру в учёбу, как оказался не в учебном, а в настоящем павильоне студии «Межрабпомфильм», взявшейся снимать первую звуковую кинокартину «Путёвка в жизнь». Сценарий к картине на основе подлинной истории эксперимента перевоспитания беспризорников написали Александр Столпер и Регина Янушкевич, а также кинорежиссёр Николай Экк, ученик театрального режиссёра Всеволода Мейерхольда. В ходе работы над сценарием им пришлось не раз встречаться с настоящими беспри-

зорниками. Однажды Эрк участвовал в ночной милицейской облаве на них и чуть было не поплатился своей жизнью. Кинувшийся на него с ножом, по его словам, «татарчонок по имени Мустафа» и послужил прототипом главного героя его будущего фильма.

«Одним из эпизодов, с которого мы начали съёмку первой художественно-звуковой картины «Путёвка в жизнь», была облава на беспризорных в подвале разрушенного дома, – рассказывал потом режиссёр фильма Николай Эрк. – Снимали ночью в павильоне. Под самое утро, когда уже всё намеченное было снято, из декорационной бочки вдруг выглянул какой-то парнишка в живописных лохмотьях, с лицом монгола, с узкими, хитро смеющимися глазами, в какой-то мудрёной дамской шляпке и с деревянной ложкой, привязанной грязной тряпкой к уху. Он сладко зевнул и опять нырнул в бочку, приведя всю массу в неописуемый восторг.

Его извлекли оттуда. Начались расспросы.

«Вы так долго готовились к съёмке, что мне захотелось спать. Залез в бочку... никто не мешает...» – И на лукавом лице его опять заиграла обворожительная улыбка.

Мы решили повторить этот непредвиденный эпизод, вставить в картину. А просмотрев его на экране, пришли в изумление от игры новорождённого актёра. Так было смешно, неподдельно, без наигрыша! И тут же решили: «Вот он, Мустафа!»

Исполнителем этого восхитившего всех экспромта оказался первокурсник кинотехникума Кирилл Иванов и в то же время начинающий поэт Йыван Кырля. Неожиданно для всех и для себя он стал главным героем картины.

Образ Мустафы давался ему нелегко. Большая часть фильма снималась на «натуре» неподалеку от станции Большево под Москвой, в настоящей трудовой коммуне бывших беспризорников, организованной в 1924 году М. С. Погребинским. В фильме он выведен под именем Николая Ивановича

Сергеева, которого блестяще сыграл Николай Баталов. Кырле было трудней, чем Баталову. Он не имел живого прообраза, ему приходилось создавать Мустафу по материалам сценария, по личным наблюдениям.

Йыван Кырля много беседовал возле кузни трудкоммун с коммунарком Умновым, в то время старшим кузнецом, в прошлом главарём отчаянной шайки беспризорников. Молодые люди, примерно одного роста и сложения, разговаривали, оживлённо жестикулируя. Когда Кырлю спросили: давно ли он знает Умнова? Артист, улыбаясь, ответил: «Да это же один из моих главных консультантов!» Однажды, во время посещения М. Горьким кузницы трудкоммун, Умнов лихо подмигнул писателю и обратился к Погребенскому: «Признайтесь, когда пришли к нам без охраны, без оружия, неужели не испугались наших ножей?» На что Погребенский ответил: «Я даже вшей ваших не испугался!» Диалог понравился Кырле, и он тут же стал играть кузнеца, точно воспроизводя его манеру говорить, жесты, мимику.

Роль главаря банды и убийцы Мустафы Фомки Жигана досталась Михаилу Жарову. До этого он снимался в немых картинах «Аэлита», «Папиросница из Моссельпрома», «Его призыв», «Человек из ресторана». Кстати, в 1928–1929 годах Жаров работал в Казанском драматическом театре.

Съёмки фильма растянулись на целых два года, и новоявленному актёру и студенту приходилось здорово постараться, чтобы не запустить учёбу и успевать работать на съёмках.

После выхода фильма «Путёвка в жизнь» к начинающему марийскому актёру пришла настоящая большая слава. При встрече особо назойливых читателей Йыван Кырля порой шёл на хитрость: «Да вы меня путаете с моим братом, это он играет в кино, а я просто похож на него». Бывало, Йыван Кырля представлял им Джалиля: «Знакомьтесь, это мой друг Муса Мустафович». «Как Мустафович?!» – удивлялись по-

читатели. А вот в отношении себя ему приходилось поправлять поклонников: «Я не Мустафа, а артист Кирилл Иванович Иванов».

Он покорял не только улыбкой, но и внешним видом – изысканным костюмом, оригинальной шляпой, резной тростью... Вряд ли кто из осаждавших его мог предположить, что коренастый, небольшого роста, круглолицый, с узкими карими глазами кумир – ещё вчера простой деревенский парень из глухой марийской деревни, приехавший в Москву совсем недавно.

Муса Джалиль охотно знакомил его со своими друзьями не только из татарского студенчества и интеллигенции, но и московской творческой молодёжи. Один из них, будущий композитор и народный артист России Сигизмунд Кац, вспоминал позже о Йыване Кырле: «Мне о нём часто рассказывал Муса Джалиль, обещая привести талантливого стихотворца к нам на Сретенку, и однажды он обещание сдержал. Я, как обычно, занимался на рояле, вдруг раздался звонок, и папа открыл входную дверь. Вначале я услышал голос Мусы, потом изумлённый голос папы, а вскоре шум всей «вороньей слободки» – так именовалась наша коммунальная квартира, которая почти точно описана в романе Ильфа и Петрова «Золотой телёнок». Ю. Олеша и И. Ильф жили рядом, а Петров к нам часто заходил. Я вышел в коридор. Муса и его спутник прорывались ко мне, но их не пускали соседи. «Это Мустафа!.. Неужели это живой Мустафа?» – вопил коридор, набитый десятками обитателей квартиры».

«Очень популярный в Москве киноартист» предстал пред Сигизмундом Кацем невысоким, приземистым молодым человеком. В гостях у композитора Муса Джалиль и Йыван Кырля читали свои стихи – и на своих родных языках, и в переводах на русский.

«Стихи были хороши, и мы слушали с большим удовольствием», – рассказывал С. Кац. – Но от совместных прогулок с Мусой Джалилем и Йываном Кырлём я впоследствии отказался. Стоило

только выйти на улицу, как нас окружала толпа любопытных, и со всех сторон доносилось: «Гляньте, граждане, гляньте! Это же Мустафа, сам Мустафа!..»

Йыван Кырля в свою очередь представил Мусе Джалилю своих друзей. Прежде всего – Павла Железнова, взявшегося за перевод его стихов на русский язык, и Александра Крылова-Тока, журналиста газеты «Марий ял» («Марийская деревня»). Благодаря Йывану Кырле Муса Джалиль ближе узнал Петра Лашманова-Ланова и Яныша Ялкайна, своих сокурсников по Московскому университету. Именно Пётр Лашманов-Ланов оказался автором слов исполненной Йываном Кырлём в фильме «Путёвка в жизнь» песни «Ой, луй модеш!» («Ой, куница играет») на обработанную композитором Я. А. Эшпаем народную музыку:

**Ой, куницы как играют
На пригорочке, в лесах,
Ой клубника созревает
Возле кочек на лугах!**

(Перевод С. Поделкова)

Петру Лашманову-Ланову принадлежало и авторство предисловия выпущенной в 1931 году в Москве Йываном Кырлём совместно с другим студентом Московского кинотехникума Олыком Ипаем книги стихов «Ме – ударне улына» («Мы – ударники»), после которой за артистом закрепилась слава и начинающего марийского поэта. Яныш Ялкайн подружился с Мусой Джалилем настолько, что сделал его прототипом одного из героев своей повести «Ола» («Город»).

Йыван Кырля познакомил Мусу Джалиля также с некоторыми своими земляками, входившими в марийское землячество «Марий Москва» («Марийская Москва»). Они не скрывали своей гордости за своего земляка. Йыван Кырля считался у марийцев чуть ли не национальным героем, символом марийского возрождения, благодаря которому об этом небольшом финно-угорском народе узнал весь мир.

Талант Йывана Кырли высоко оценили Ромен Роллан, Всеволод Мейерхольд, Максим Горький... В обзорной статье «Триумф «Путёвки» в газете «Советское искусство» по материалам немецкой печати приводились выдержки из этих публикаций. В одном издании, в частности, писалось: «Среди артистов, задействованных в фильме, выделяется молодой мариец Й. Кырля, исполнивший роль Мустафы. Замызганный, хулиганистый беспризорник Мустафа, каким он предстал в начале фильма, на глазах превращается в просветлённого юношу, захваченного идеей созидательной жизни».

Созидал Йыван Кырля и пером по бумаге. Одно из своих стихотворений он прочитал на состоявшемся в Москве накануне первого съезда писателей СССР вечере национальной поэзии, заснятом на киноплёнку и демонстрировавшемся потом в киножурналах по всей стране.

В 1934 году Йывана Кырлю пригласили на главную роль в фильме Е. А. Иванова-Баркова «Наместник Будды». Начавшиеся съёмки с выездом в Монголию прервали тесное общение Мусы Джалиля и Ахмеда Ерикеева с артистом. Через общих друзей, прежде всего Яныша Ялкайна, они узнавали о снятой на основе биографии Йывана Кырли кинокартине «Жизнь Кавырли», получившей в прокате название «Песнь о счастье», о выходе в Москве нового сборника его стихов «Шочмо кече» («День рождения»), киноотчёте Союзкинохроники «Пятнадцать лет Марийской автономной области» для киножурнала «Дружба народов», где Йыван Кырля был запечатлён на сцене Маргостеатра в качестве гостя труппы. Никто не мог предположить, что знаменитый киноактёр вскоре и сам объявится в её составе.

Он попросился сюда по окончании съёмок фильма «Наместник Будды». И, как оказалось, это было его роковое решение. Весной театр и труппу настигла волна разоблачений: якобы в их среде внедрились враги народа

из подпольной буржуазной националистической организации. Началась она с ареста директора театра П. К. Карпова. Следом ложное обвинение было выдвинуто против Йывана Кырли. Особая «тройка» при НКВД Марийской АССР на заседании 13 августа 1937 года постановила: «За пропаганду и участие в контрреволюционной деятельности заключить Иванова Кирилла Ивановича в исправительно-трудовые лагеря сроком на 10 лет, начиная с 23 апреля 1937 года».

Правду об аресте и дальнейшей судьбе Йывана Кырли узнать Мусе Джалилю уже не довелось – с началом Великой Отечественной войны он ушёл на фронт. В 1956 году, когда татарскому поэту посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, Йыван Кырля был реабилитирован. Марийский поэт и артист прошёл исправительно-трудовые лагеря Карелии и Северного Урала и погиб от каторжного труда 3 июля 1943 года. В вышедшем в том же году 1-м томе «Очерков истории советского кино» киноведа С. Дробашенко и Н. Лебедев после долгого умалчивания поспешили восстановить справедливость и отметить «подлинный актёрский талант» Йывана Кырли, сыгравшего в фильме «Путёвка в жизнь» «темпераментно, с глубоким проникновением в образ, убедительно раскрывая многогранность и глубину чувств своего героя, богатство его внутреннего мира».

А с мая 1957 года после восстановления картина с большим успехом вновь пошла по экранам кинотеатров страны. В том же году прошедший, как и Йыван Кырля, через сталинские лагеря кинорежиссёр Н. Экк побывал в Казани, встречался с кинозрителями. Он заметил, что ему очень приятно посетить город, где учился исполнитель главной роли Йыван Кырля.

Возвращение имени Йывана Кырли из забвения происходило на глазах проживавшего в Москве друга его юности татарского поэта Ахмеда Ерикеева. Его разыскали марийский литературовед Ким Васин и журналист Михаил Иси-

метов, взявшийся писать книгу «Йыван Кырля: очерк жизни и творчества». Они и рассказали ему о включении стихов поэта-киноактёра в антологию марийской поэзии, переиздании его сборников, в том числе в переводе на русский язык в Москве. Было радостно А. Ерикею узнать о появлении в 1969 году в Йошкар-Оле улицы Йывана Кырли. Но горькое сожаление вызывало то, что он прожил всего 34 года, не выполнив завета матери, переданного им в стихотворении «Шочмо кече» («День рожденья»):

**День рожденья!
Солнца блики,
Радость буйная в крови.
Родила меня марийка
И сказала:
«Сын, живи,
Вдоволь походи по свету!»**

(Перевод С. Поделкова)

Сохранённая Ахмедом Ерикеем фотография, где он заснят с Йываном Кырлём, была впоследствии опубликована в книге, изданной Михаилом Исиметовым в Йошкар-Оле (1984). О казанских страницах биографии Кырли напоминают несколько фотокарточек рабфаковских времён, в том числе – портрет, находящийся теперь в экспозиции музея истории Казанского федерального университета. А в Казанском мемориальном музее-квартире Мусы Джалиля хранится фотоальбом с портретом Йывана Кырли, который тот подарил в Москве своему другу-поэту из Казани.

Хочется верить, что о Мустафе... о Кирилле Иванове... об Йыване Кырле и фильме «Путёвка в жизнь» вспомнят как-нибудь ещё на проводящемся в Казани Международном фестивале мусульманского кино. Ведь эта кинокартина и её герои сделали огромный шаг в развитии не только нашей стра-

ны, они вдохновили на создание таких известных в мировом кинематографе фильмов, как индийские «Бродяга» и «Господин 420», французский «400 ударов судьбы», итальянский «Человек в коротких штанишках» и японский «Испорченная девчонка». Не зря известный французский историк кино Жорж Садуль отмечал: «В то время, когда звуковое кино только начиналось, этот фильм произвёл огромное впечатление во Франции и во всём мире и явился важной датой в истории кино. Своим фильмом «Путёвка в жизнь» Николай Экк сослужил добрую службу Советскому Союзу и искусству кино». Индийский кинорежиссёр и артист Радж Капур открыто признавался, что игра Йывана Кырли стала для него школой актёрского мастерства в его работе над образом главного героя фильма «Бродяга».

В 2009 году в Йошкар-Оле в честь 100-летия Йывана Кырли установили бронзовый памятник. И теперь на железнодорожном вокзале прибывающих сюда гостей, в том числе из Казани, встречает, как в стихотворении народного поэта республики Макса Майна, словно сошедший с фильма «Путёвка в жизнь» Мустафа:

**Мчится вдале дрезина быстро,
Рельсов блещет синева.
С доброй песенкой марийской
Едет, едет Мустафа.**

(Перевод В. Борисова)

Покорившая некогда весь мир первая звуковая советская кинокартина «Путёвка в жизнь» включена ЮНЕСКО в число десяти лучших фильмов всех времён и народов. Творчество сыгравшего в ней роль Мустафы киноактёра Кирилла Иванова (Йывана Кырли) стало достоянием мировой культуры. 16 марта 2014 года – 105 лет со дня его рождения.